

К.Б.СТАРКОВА

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПРОЖИТОМ**

К.Б.Старкова
1915–2000

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИУДАИКА»

К. Б. СТАРКОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЖИТОМ

Жизнь и работа
семиолога-гебраиста
в СССР

«ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2006

К.Б.Старкова. Воспоминания о прожитом. жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР. — Под редакцией В.Л.Вихновича — СПб.: — «Европейский Дом» — 2005 — 356 с., вклейка.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФОНДА
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОГО И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА»

На обложке: ДИВАН ИЕХУДЫ ХАЛЕВИ.

Составитель Давид Бен Маймон. Sine loco, sine anno. (Восток, вторая половина XII в. (?). 65 л. Бумага. Лист 28. Размеры 147 x 205 мм. 23 строки. Лист содержит два самых знаменитых стихотворения поэта: гимн Иерусалиму «*Прекрасная возвышенность, радость вселенной, град Великого Царя*» (строка 1–13) и начало элегии «*Сион, неужто ты не спросишь о судьбах узников своих*» (строки 14–23)

ISBN 5-8015-0191-6

© К.Б.Старкова
© В.Л.Вихнович, составление, 2006
© Европейский Дом, 2006
© Петербургская иудаика, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

И.Р.Тантлевский, В.Л.Вихнович. Клавдия Борисовна Старкова (1915–2000) ♦ 11

- Глава 1.** Мой отец Борис Владимирович Старков. Старковы — семья раскольников. Переезд прадеда в Пермь. Мой дед — прасол и торговец мясом. Учеба отца в Пермской гимназии. Отец — студент Санкт-Петербургского Технологического института. Репетиторство в семье князей Долгоруких. Участие отца в социал-демократическом студенческом движении, его отношение к религии. Работа инженером на строительстве Ладожского водопровода. Женитьба на моей маме ♦ 16
- Глава 2.** Родословная моей матери Клавдии Михайловны, урождённой Котляровой ♦ 24
- Глава 3.** Жизнь семьи матери в Белостоке. Михаил Иванович — дивизионный врач в Белостоке. Бесплатное лечение еврейской бедноты. Предотвращение еврейского погрома. Михаил Иванович спасает Александра III. Мама поступает в Институт благородных девиц императора Павла в Петербурге ♦ 30
- Глава 4.** Учёба и первое замужество мамы. Павловский институт. Композитор Римский-Корсаков в институте. Первое замужество. Переезд деда и бабушки в Ломжу. Смерть деда Михаила Ивановича. Скорбь еврейской бедноты ♦ 36
- Глава 5.** Отец первого маминого мужа Владимира Александровича — эконо́м царского двора Александр Иванович Анчуков, его удивительная честность и нрав. Его дочь Елена Александровна. Болезнь Владимира Александровича. Желание мамы стать врачом. Невозможность получить высшее образование в России. Вена, Швейцария, Тироль. Учёба мамы в Сорбонне. Встреча с русскими эмигрантами — ведущими социал-демократами, в частности, с Лениным ♦ 41
- Глава 6.** Трагическая гибель маминого первого мужа. Судьба бабушки. Эпизод с князем Радзивилом. Учеба мамы на акушерских курсах в Петербурге. Знакомство с моим будущим отцом Борисом Старковым. Учёба в Медицинском институте. Социал-демократическая деятельность. Спасение Ленина от ареста. Судьба Оболенского. Свадьба моих родителей ♦ 49

- ГЛАВА 7.** Моё рождение в 1915 г. Благополучный быт нашей семьи. Февральская революция. Взятие власти большевиками в октябре 1917 г. Угроза голода. Решение переехать временно в Пермь к сестре отца. Обстрел парохода. Начало гражданской войны. Потеря связи с отцом. Эпидемия тифа. Отступление с Третьей Красной Армией в Сибирь • 55
- ГЛАВА 8.** Наш путь в Сибирь. Мама едва не потеряла меня с Володей. Станция Слюдянка. Мама врач местной больницы. Ёлка у Винеров. Смелость медсестры баронессы фон Тальберг. Доктор Питателев. Подозрительная книга «Рыбы России». «За Учредительное собрание и против еврея Троцкого». Офицер японец. Американские продукты. Чехословаки с медведями. Моя игрушка и девочка Дуня. Красоты Байкала • 62
- ГЛАВА 9.** Мама — член ревкома Слюдянки. Похороны расстрелянных колчаковцами. Возвращение партизан из тайги. Сибирские нравы. Мама организует военный госпиталь. Возобновление почтовой связи с папой. Буря на Байкале. Мы едем домой. Мама — врач в посёлке Зуевка. Я научилась читать. Алпатыч и спасение от стаи волков. Встреча с отцом. Вятское питание • 71
- ГЛАВА 10.** Второй приезд отца в Зуевку. Наше домашнее воспитание. Засуха 1920 г. Возвращение в Петроград. Трудная жизнь в Петрограде. Улучшение положения после введения НЭПа. Отношение родителей к Советской власти. Мы с мамой переезжаем в Юкки. Юкки — финская деревня. Нравы финские и русские. Дунай. Рождение сестры Аси • 78
- ГЛАВА 11.** Болезнь моя и мамы. Я поступаю в мою первую школу. Мальчик Моня и первое представление о евреях. Немецкая семья в Юкках. Моя первая учительница слепая Лидия Фёдоровна. Финская кирха в Юкках. Сенбернар Кара и желание стать учёным. Переезд в Парголово. Я поступаю в Парголовскую школу • 88
- ГЛАВА 12.** Отец вынужден согласиться на работу в Боровичах. Его отъезд из Петрограда. Моя страсть к чтению. Впечатление от «взрослых» книг — «Дэвида Копперфилда», «Дон-Кихота», «Отверженных», «Крестоносцев». Чтение «детских книг». Мои детские представления о социальной справедливости. Знакомство с русской классикой. Любовное отношение к природе и животным. Эпизод с мышкой. Интерес к изучению иностранных языков • 93
- ГЛАВА 13.** Смерть Ленина. Переименование Петрограда в Ленинград. Боровичи. Учёба в первой ступени школы, бывшей женской гимназии. Настя. Манометр папы. Григорьевы. Участь бывших дворян и офицеров • 100
- ГЛАВА 14.** Наша жизнь в Боровичах в годы НЭПа (1924–1928 гг.). Хозяйева нашего дома. Игра местных детей «жид-жидовка». Мой астигматизм. Впечатления о детях Боровичей. Моя любовь к животным • 105
- ГЛАВА 15.** Отношения в нашей семье. Эпизод с ежом. Воспитание детей личным примером. Мама и старуха-нищенка. Доброта папы, его ум и руки. Чудесное спасение им Аси. Воспитание им у меня любви к природе. Справедливая твёрдость отца при необходимости • 110
- ГЛАВА 16.** Встреча Нового 1926 года. Я заканчиваю первую ступень школы. Мои подруги. Учителя школы. Общество борьбы с собаколовами.

Подвиг маленького Абраши. Наши друзья братья Веча и Костя. Их трагическая судьба. Лето в Пристани на Мсте. Посещение дома Суворова в селе Кончанском. Мне дарят шенка ♦ 118

Глава 17. 1927 год. Я поступаю в школу второй ступени. Первая драка. Интерес к религии. Ограничения в отношении детей священников и дворян. Очередное заболевание Володи. Мы с Асей живём у Белоросовых. Уроки воспитания. Начало смертельной болезни Аси. Мама везёт её в Ленинград. Я попадаю в больницу и случайно узнаю об ужасах аборта. Приезд мамы с сообщением о смерти Аси от саркомы. Видение о посещении меня ребёнком асиного возраста ♦ 126

Глава 18. Последствия смерти Аси. В Боровичах у нас поселяются Кира и Игорь Соколовы. Поездка в Ленинград на Рождество 1928 г. Ураган в Верстанке. Арест папы. Передачи. Мама едет со мной хлопотать за папу в Новгород и Ленинград. Встреча с доктором Мочаном. Освобождение папы ♦ 135

Глава 19. Моё столкновение с милицией. Спасение собаки Трезора. Трагическая история Анны Ивановны Зотовой ♦ 145

Глава 20. Последний год в Боровичах. Страсть к чтению. Гофман и еврейский язык. Латынь и греческий папы. Лето в деревне Теревне. Отец Николай. Вера Константиновна учит меня французскому. Владыка Михаил. Переезд из Боровичей в Сестрорецк. Моя новая школа ♦ 152

Глава 21. Начало учёбы в Сестрорецкой средней школе. Бригадно-лабораторное обучение и его большие преимущества. Мои успехи в занятиях русским и немецким языками, а также в литературе и обществоведении. Забавный эпизод с учителем немецкого. Столкновение с учителем в защиту инженеров. Моя подруга Женя Покровская. Отрицательное отношение к комсомолу. Моё выступление в защиту собора в Сестрорецке. Тяжёлое душевное состояние к окончанию школы. Неудачная попытка побега Володи в Иран ♦ 158

Глава 22. Закрытие полных средних школ в Ленинграде. Выбор техникума. Неудачная попытка изучать арабский. Курсы французского языка. Трудная зима 1930/31 гг. Я поступаю в книжный техникум, а брат в Мореходное училище. Эпизод в ночном поезде. Моя подруга Дуся Ткачёва. Разбитая чашка. Жизнь в общежитии. Посещение Храма Спаса-на-Крови ♦ 167

Глава 23. Первая практика в книжном киоске на заводе «Вулкан». Моя полная неспособность к торговле. Я еду к Дусе в Чернянку. Москва 1932 г. Попытка ограбления в поезде. Идиллия Старого Оскола. Семья Ткачёвых в Чернянке. Партократка Зоя. Спасение коровы Красотки. Эпизоды гражданской войны в Чернянке. Местные церковь и ярмарка. Моя первая рюмка спирта ♦ 177

Глава 24. Письма из Чернянки о коллективизации. Судьба семьи Белановых. Мы с Дусей сочиняем письмо Сталину с предложением его отставки. Отношение к советским вождям. Моя неспособность понять бухгалтерию. Мама получает должность врача санатория для трудных детей в Павловске. Неприятие мной официальной лжи. Практика в Перми. Ужас зоологических садов. Моё твёрдое решение уйти из техникума ♦ 188

- Глава 25.** Я собираю документы для поступления в ВУЗ. История с паспортом. Выбираю филологию и подаю документы в ЛИФЛИ. Успешная сдача экзаменов. Отказ принять меня по причине социального происхождения, хотя принимают Дусю и без экзаменов Володю. Удивительная встреча отца и декана, меня зачисляют в студенты. Мой интерес к еврейскому языку ♦ 196
- Глава 26.** Возрождение востоковедения в 1932 г в Университете. Характеристика поступивших на восточное отделение. Мои соученики студенты-гебраисты. Уход моего брата и других студентов. Мой первый учитель еврейского языка М.Н.Соколов. Методика его преподавания. Арест М.Н.Соколова и письмо академика П.К.Ковцова в его защиту ♦ 202
- Глава 27.** Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий и его курс «Критика Библии». Увлечение Израилем Григорьевичем теорией Марра. Эпизоды из занятий нашей группы с Израилем Григорьевичем. Моё увлечение библейской историей. Гонения на Ольгу Михайловну Фрейденберг и связанная с этим трагическая гибель Израилем Григорьевичем ♦ 210
- Глава 28.** Моё изучение арабского под руководством В.А.Эбермана. Новый преподаватель арабского В.И.Беляев. Продолжаю учить арабский на втором курсе. Конфликт с другими студентками. Меня защищают Рифтин и Крачковский ♦ 217
- Глава 29.** Наш новый преподаватель еврейского Андрей Яковлевич Борисов. Его происхождение и родители. Переезд его семьи в Эстонию. Учёба в гимназии в Тарту, изучение еврейского языка. Поступление в местный университет. Возвращение в Ленинград, учёба у Ковцова. Публичная библиотека. Работа в университете. Семейная жизнь. Поездка в Среднюю Азию к бухарским евреям ♦ 222
- Глава 30.** Академик Н.Я.Марр. Его кончина и торжественные похороны. Личность Марра и его учение, моё отношение к нему. Общая подготовка тогдашнего студенчества, его общекультурный уровень. Почему держали неуспешных студентов ♦ 228
- Глава 31.** Убийство Кирова. Мои впечатления о нём как политике и человеку. Я неосторожно высказываюсь и получаю наставление Игоря Дьяконова. Похороны Кирова. Празднование окончания нашего полукурса. Сталинская конституция в действии. Отношение нашей семьи к Ленину. Осведомитель Тигран Мовсесов. Соня Безносая. Моё отношение к стихам Бориса Пастернака ♦ 237
- Глава 32.** 1936 год — начало репрессий. Арест Нины Деннинг. Судьба ученицы отца. Его призыв ко мне остерегаться и никому не доверять. Отношение моих родителей к происходящему беззаконию. Моё отвержение политики Сталина. Ника Ерехович и Лев Липин. Арест Гринберга, Ереховича и Шумовского ♦ 244
- Глава 33.** Подробности ареста Ереховича. Отец Ники — Пётр Александрович Ерехович — генерал дворцовой службы. Его судьба и чудесное спасение из лагеря на Кольском полуострове. Сестра Ники Рона и мать Лариса Дмитриевна обосновываются в Кировске. Спасение Петра Александровича и Роны во время обвала дома. Мой отец едет в Кировск с сообщением об аресте Ники. Искренняя убежденность в невиновности Ники. Его исторические интересы. Отказ

от Ники его сестры Марии. Моя неудачная попытка передать ему валенки в тюрьму «Кресты». Мои подруги перестают со мной общаться ♦ 250

Глава 34. Илья Гринберг, несостоявшийся не по своей вине выдающийся учёный-семитолог. Семья Гринбергов. Приход его в нашу группу гебраистов. Его успехи в учёбе. И.Н.Винников и его курс «Этнография иудаизма». Мой забавный конфликт с Ильёй. Вопрос о русско-еврейских браках. Арест Ильи накануне нового 1938 г. Допросы в Большом доме. Обвинение в троцкизме-сионизме. Учебник политэкономии капитализма. Этап на Колыму. Работа в шахте и чудесное спасение. Встреча в морге с умершим Никой Ереховичем. Освобождение. Моя встреча с Ильёй в Ленинграде. Успехи его в семитологии при защите диплома. Работа лесорубом. Неожиданное предложение хозяйки его наёмной квартиры. Угроза нового ареста. Трагическая гибель Ильи ♦ 256

Воспоминания о Клавдии Борисовне Старковой

Клавдия Борисовна Старкова (1915–2000). Заметки к воспоминаниям. (*В.Л.Вихнович*) ♦ 265

Годы рядом с Клавдией Борисовной Старковой. (*Е.Н.Мещерская*) ♦ 274

Воспоминания о Клавдии Борисовне Старковой. (*Г.М.Глускина*) ♦ 283

Отзыв о монографии Г.М.Глускиной «Альфонсо. Выпрямитель кривого» ♦ 288

Именной указатель ♦ 290

Термины ♦ 294

Статьи К.Б.Старковой

Семитология в СССР за сорок лет ♦ 295

Евреи Европы ♦ 304

Евреи в России и СССР ♦ 327

Отзыв о докторантке К.Б.Старковой
(академик И.Ю.Крачковский, апрель 1947 г.) ♦ 354

И.Р.Тантлевский, В.Л.Вихнович
КЛАВДИЯ БОРИСОВНА СТАРКОВА
(1915–2000)

27 июня 2000 года после тяжёлой продолжительной болезни ушла из жизни доктор филологических наук Клавдия Борисовна Старкова. Вся её жизнь представляла собой яркую страницу в истории отечественной семитологии и гебраистики. Она родилась 1 февраля 1915 г. в семье типичных петербургских интеллигентов. Её отец — инженер Борис Владимирович Старков, мать Клавдия Михайловна — врач. Прекрасные традиции семьи сформировали характер Клавдии Борисовны.

В 1933 году Клавдия Борисовна поступает в Ленинградский институт философии, лингвистики и литературы (ЛИФЛИ) на факультет лингвистики по кафедре семитских языков и литератур. Тогда в институте продолжались блестящие традиции отечественной семитологии. Среди преподавателей были выдающиеся гебраисты М.Н.Соколов, А.Я.Борисов, И.Г.Франк-Каменецкий, арабисты академик И.Ю.Крачковский, В.И.Беляев, Н.В.Юшманов, ассириолог А.П.Рифтин, востоковед академик В.В.Струве...

Террор конца тридцатых годов в полной мере коснулся преподавателей и студентов кафедры. Стала активно проявляться тенденция к ликвидации еврейской культуры в стране. Тем более знаменательно, что именно в эти годы К.Б.Старкова начала работу над диссертацией, посвящённой творчеству великого еврейского поэта и философа XII в. Йехуды Халеви. Талантливой молодой исследовательнице удалось обнаружить в фондах Государственной Публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина неизвестные до этого стихи великого поэта, философа и врача, родившегося в 1080 г. в

мусульманской Испании и ушедшего из жизни в Иерусалиме около 1140 г. Начавшаяся война помешала защите диссертации. Во время блокады Ленинграда ей, ассистентке кафедры семитологии Университета, пришлось пережить страшную голодную зиму 1941–1942 гг., принимая активное участие в обороне города и продолжая, тем не менее, научную работу. Оказавшись после эвакуации в Средней Азии, Клавдия Борисовна почти год работала в Ташкентском институте востоковедения над описанием арабских рукописей. Там же она защитила кандидатскую диссертацию. После возвращения в Ленинград она возобновляет занятия гебраистикой, избрав темой своей следующей научной работы творчество другого великого еврейского поэта и философа XII в. Соломона Габироля, заслужившего славу «еврейского Платона».

В 1948 г. Институт этнографии АН СССР заказал ей для сборника «Народы мира» два очерка: «Евреи Восточной Европы» и «Евреи Западной Европы». После уничтожения гитлеровцами большей части евреев Европы эти работы, написанные Клавдией Борисовной с присущей ей обстоятельностью и литературным дарованием, были особенно актуальны. Однако в том же году для еврейской культуры в СССР наступают худшие времена. Убит Михоэлс, закрыты все еврейские культурные и общественные организации, арестованы ведущие деятели еврейской культуры. Сборник «Народы мира» вышел без очерков Клавдии Борисовны. Кафедра семитологии, где она работала, была закрыта, и ей долгое время пришлось работать не по специальности в отделе иностранного комп-

лектования библиотеки Академии наук СССР, а затем в библиотеке Института археологии.

Только с началом «оттепели» положение меняется к лучшему. В 1954 г. она была зачислена в штат Ленинградского института Востоковедения. С этого времени главным делом её научного творчества становится исследование рукописей Кумрана, найденных в 1947 году в пещерах на берегу Мёртвого моря в Иудейской пустыне. Первая публикация на эту тему в нашей стране, появившаяся в журнале «Вестник древней истории» (№ 1, 1958), принадлежала перу Клавдии Борисовны.

В дальнейшем её оригинальные исследования в области кумрановедения получили признание самых видных гебраистов мира. Она подготовила научные переводы большого числа кумранских документов на русский язык. Не ограничиваясь только филологической стороной вопроса, исследовательница сумела показать идеологию кумранской общины в контексте социальной и политической ситуации в Иудее в период возникновения христианской цивилизации. Клавдию Борисовну приглашают участвовать в различных научных встречах учёных за рубежом, но ей удалось встретиться с иностранными коллегами только на XXV Конгрессе востоковедов в Москве. Особую яркую страницу в её творческой биографии составляет её сотрудничество с крупнейшим собранием еврейских рукописей — Государственной Публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина. Практически сразу после окончания университета она много работает в её всемирно знаменитых коллекциях, а со временем становится научным консультантом библиотеки по всем вопросам, связанным с еврейским рукописным фондом. Она оказала неоценимую помощь библиотеке после возвращения из эвакуации в 1946 г. ценнейшей коллекции рукописей, собранных Авраамом Фирковичем. Тогда в Отделе рукописей не оказалось сотрудников, знавших еврейский алфавит. Клавдия Борисовна не только

помогла вернуть еврейские рукописи на места их хранения, но также систематизировала их расстановку, создав своеобразный «ключ», благодаря которому библиотекарь, даже не владевший еврейским языком, мог самостоятельно и сравнительно быстро найти нужную рукопись. Интерес к изучению собрания Фирковича сохранился у неё и в последующие годы. В 1964 г. она разработала программу публикации памятников еврейской и еврейско-арабской литературы, где почётное место занимают рукописи этого собрания, ещё через 10 лет опубликовала обзор рукописей, его составляющих. Эти работы заинтересовали специалистов многих стран и были переведены на французский язык.

В шестидесятые годы Клавдия Борисовна много и очень плодотворно работает над переводом и научным комментированием документов Кумрана. Её трудами были переведены, прокомментированы и подготовлены к изданию многие тексты Кумрана, общим объемом более 20 печатных листов. Но, к сожалению, начавшаяся в стране после 1967 года «антисионистская» кампания задержала публикацию результатов её трудов по кумрановедению на тридцать лет, и книга нашла своего читателя только недавно (*Тексты Кумрана. Санкт-Петербург, 1996*). Более того, в 1979 году плодотворно работающего учёного вообще отправляют на пенсию.

Однако, даже несмотря на серьёзную болезнь глаз, Клавдия Борисовна продолжает заниматься научной работой. Она много внимания уделяет библеистике, публикации творческого наследия своего учителя, блестящего семитолога Андрея Яковлевича Борисова, биографическим работам о выдающихся востоковедах и т.д. Её публичные лекции по библеистике всегда вызывали огромный интерес у слушателей. Конечно, этому способствовали, кроме научной эрудиции лектора, также блестящая литературная форма изложения и принципиальность оценок фактов, не зависящая от каких-либо конъюнктурных обстоятельств.

Вообще искренность, правдивость и доброты — отличительные черты характера Клавдии Борисовны. Можно даже с глубоким прискорбием сказать, что в ее лице из жизни ушел один из последних представителей старой русской интеллигенции в самом высоком смысле этого слова. С этим согласны все ее многочисленные друзья и ученики. Стоит добавить, что во всех трудах Клавдии Борисовны чувствуется искренняя любовь к народу, изучению языка, истории и культуре которого она посвятила весь свой большой талант исследователя.

Последние годы Клавдия Борисовна диктовала свои воспоминания, отрывки из которых, посвященный судьбе безвременно погибшего в годы репрессий гебраиста Ильи Гринберга, был опубликован в «Вестнике еврейского университета в Москве», М., 1997, № 3. К счастью, большую часть этих воспоминаний она успела надиктовать, и в предлагаемой вниманию читателей книге в полной мере проявились ее большой литературный талант блестящего рассказчика, великолепная память и наблюдательность. С великому сожалению, болезнь ей помешала полностью завершить начатое. Но книга дополнена воспоминаниями о ней ее друзей и коллег.

Большое научное наследие Клавдии Борисовны еще предстоит собрать и издать. Далеко неполный список основных ее научных трудов включает следующие труды:

Докторская диссертация Памятники кумранской литературы (К исследованию идеологии кумранской общины) М., 1971. 445 л. (АН СССР Ин-т востоковедения)

Автореферат М., 1971. 24 с.

Письмо Йехуды Халеви к Хабибу ал-Махдеви (Публикация и комментарий) // Сов. Востоковедение Т. 3 М.-Л., 1946 С. 423–437.

Панегирик в средневековой еврейской поэзии // Советское востоковедение Т. 4 М.-Л., 1947 С. 134–156.

Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении // Вестник древней истории 1955, № 2 С. 161–174. Совместно с И. М. Дьяконовым.

Рукописи из окрестностей Мертвого моря // Вестник древней истории 1956, № 1 С. 87–102.

Рукопись «Канона по медицине» Ибн Сины (Авиценны) из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Т. 2 Л., 1957 С. 39–54.

«Устав для всего общества Израиля в конечные дни» (С приложением текста) // Палестинский сборник Вып. 4 М.-Л., 1959 С. 17–72.

Дополнения к «Уставу» кумранской общины // Палестинский сборник Выпуск 8 М.-Л., 1960 С. 22–31.

Семитология в СССР за сорок лет // Уч. Зап. Института востоковедения (АН СССР) Т. 25 М., С. 267–277.

Краткие сообщения Института народов Азии (АН СССР) № 86 История и филология Ближнего Востока Семитология М., 1965 — Из содержания Нина Викторовна Пигулевская С. 5–9. Совместно с В. В. Струве и А. Г. Лундиным. К вопросу о происхождении названия «Сыны Садока» в кумранских текстах С. 67–71.

О публикации и исследовании памятников еврейско-арабской литературы // Семитские языки Вып. 2 (Ч. 1) М., 1965 С. 205–215.

Рукописи коллекции Фирковича Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока Историко-филологические исследования Ежегодник 1970, М., 1974. С. 165–195.

Les manuscrits de la collection Firkovic conserves a la Bibliotheque publique d'Etat Saltykov-Scedrin // Revue des etudes juives T. 134 Paris, 1975, N 3–4 P. 101–117.

Les plus anciens manuscrits de la Bible dans la collection de L'Institut des etudes orientales de l'Academie des sciences de l'URSS // La paleographie hebraique medievale Paris, 11–13 Septembre 1972 P. Centre nationale de la recherche scientifique, 1974 P. 37–40.

Шифрованные астрологические документы из окрестностей Хирбет-Кумрана (4Q Script.) // Палестинский сборник. Выпуск 26. М.-Л., 1978. С. 124-132.

Фрагменты «Плаги» из 4-й пещеры Хирбет-Кумрана (4Q 179) // Палестинский сборник. Выпуск 27. 1981. С.57-62.

«Странствие Авраама» (1Q Gen Ap XXI, 8-20) // Палестинский сборник. Выпуск 28. Л., 1985. С.10-13.

Слова светильные (4Q Dib Nam) // Палестинский сборник. Выпуск 29 (92). История и филология. Л., 1987. С. 13-21.

Тексты Кумрана. При участии А.М.Газова-Гинзберга и М.М.Елизаровой. Санкт-Петербург, 1996.

Война Сынов Света с Сынами Тьмы // Религиоведение. Благовещенск. 2003. № 3.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ:

Старкова К.Б. // Азиатский музей – ЛО Института востоковедения АН СССР. М., 1972. Имен. указ., с. 591.

Список основных работ доктора филологических наук К.Б.Старковой: (К 60-летию со дня рождения) / Сост. С.Д.Милицанд // Народы Азии и Африки. 1975, С. 235-236 (Хронологический перечень 40 кн., ст., пер., рец., и ред., работ за 1947-1974 гг.)

Вихнович В.Л., Лебедев В.В. История жизни. Клавдия Борисовна Старкова // Народ мой. Выпуск № 9. Ленинград, 1991.

Вихнович В.Л., Лебедев В.В. Клавдия Борисовна Старкова // Советиш Геймланд. № 9. Москва. 1990. (На языке идиш).

Годы рядом с Клавдией Борисовной Старковой

С Клавдией Борисовной Старковой мой отец Никита Александрович Мешерский был знаком очень давно. К сожалению, я ни от папы, ни от Клавдии Борисовны никогда не слышала историю их знакомства, хотя думаю, что они были ещё знакомы до войны. Ведь папа хорошо знал Андрея Яковлевича Борисова и нелегально после своего ареста приезжал несколько раз в Ленинград до войны и заходил к Павлу Константиновичу Коковцову. Вот я думаю, они там и познакомились, потому что от Клавдии Борисовны я знаю, что они уже были очень хорошо знакомы в тот год, когда я родилась, в 1946 году. Клавдия Борисовна в один из моих дней рождения мне позвонила и рассказала историю, как в 1946 году она встретила в коридоре института моего отца, а отец действительно приезжал в 1946 году в Институт Востоковедения для защиты кандидатской диссертации по древнерусскому переводу книги Эсфирь. Отец сказал Клавдии Борисовне, что у него родилась дочь. Она поздравила его.

Он жил тогда в Бугуруслане, где отбывал ссылку и работал в Учительском институте. Кандидатскую диссертацию отец защищал в Ленинграде, в Институте Востоковедения. И уже потом, когда мы жили в Петрозаводске, я очень часто слышала от папы и о Клавдии Борисовне, и об Иосифе Давыдовиче Амусине в связи с открытием рукописей Мёртвого моря. Мой отец увлёкся изучением этих текстов. Он искал следы текстов Кумрана в памятниках древнерусской литературы. У него об этом написано несколько статей. И, конечно, он упоминал имена Клавдии Борисовны и Иосифа Давыдовича, с которым был тоже хорошо знаком. Пожалуй, он был ближе с Иосифом Давыдовичем, они с ним часто встречались во время приездов моего отца в Ленинград. Ну, а потом мы переехали в Ленинград, папа приехал в 1963 году, мама — в 1964. В 1964 г. я поступила в Ленинградский Университет и тогда увидела в первый раз Клавдию Борисовну.

Я очень хорошо запомнила эту встречу, потому что стала посещать заседания древнерусского сектора в Пушкинском доме. И на одном из заседаний доклад делал Иосиф Давыдович Амусин по Кумранским текстам, связанным с именем Мельхиседек. Я пришла, заинтересованная темой, на этот доклад, выслушала его. Всех присутствующих на этом заседании не помню. Запомнилось только выступление Амусина и прения по его докладу. Мой отец выступил первым, а потом выступала Клавдия Борисовна. Вот её выступление меня поразило своей отточенностью, логичностью и целым рядом новых сведений, существенных дополнений к докладу Амусина. Это было первое знакомство с Клавдией Борисовной.

Потом с Клавдией Борисовной я встречалась на заседаниях Палестинского общества. Их постоянно устраивала в здании Академии наук Нина Викторовна

Пигулевская — член-корреспондент Академии наук, специалист по истории стран Ближнего Востока, эпохе древности и раннего средневековья. Клавдия Борисовна работала в разных местах. Но когда я с ней познакомилась, она работала в Институте Востоковедения, тогда он назывался Институт народов Азии. Там тоже я встречалась с Клавдией Борисовной, но близко мы с ней не были знакомы.

Лучше я узнала её в год, когда поступала в аспирантуру Института востоковедения, к Нине Викторовне Пигулевской. Вступительный экзамен проводился при участии Нины Викторовны, она была председателем комиссии, Клавдии Борисовны Старковой и Русудан Рубеновны Орбели. Эти три почтенные дамы меня экзаменовали. Сначала Нина Викторовна дала мне переводить текст греческий, потом гоняла меня по формам греческого, причем вперемишку меня спрашивала латинские и греческие формы неправильных глаголов. Они, конечно, знали, что мой отец занимается переводом древнерусской литературы, и стали меня расспрашивать о переводной христианской литературе, мы очень долго об этом говорили. Когда Нина Викторовна предложила задавать экзаменаторам дополнительные вопросы, Клавдия Борисовна задала мне такой вопрос: «А что, на Ваш взгляд, прервало отношения Древней Руси с Византией и прервало переводческую деятельность древнерусских писателей. Какое событие историческое?» Я подумала немного и начала говорить издали, сначала о разгроме крестоносцами Константинополя в 1204 г. Потом перешла к татаро-монгольскому нашествию и всё это описала красочно. Хотя я сомневаюсь, что надолго была прервана переводческая деятельность, поскольку центр её очень быстро переместился в Северо-Восточную Русь. Клавдия Борисовна позднее сказала, что она была весьма удовлетворена, так как думала, что я буду говорить только о татаро-монгольском нашествии. Посоветовавшись, они поставили мне отличную оценку и приняли меня в аспирантуру.

Я поступила в аспирантуру к Нине Викторовне Пигулевской, и она стала со мной заниматься сирийским языком. Но это продолжалось недолго, потому что Нина Викторовна сначала уехала в Париж, по возвращении заболела и в феврале 1970 скорострительно умерла. Но ещё до своей смерти назначила мне в качестве наставника сирийского языка Азу Владимировну Пайкову, сотрудницу кабинета Ближнего Востока. Когда я пришла в кабинет к Нине Викторовне, она мне сказала: поднимайтесь на второй этаж, идите в кабинет Ближнего Востока, найдите там Клавдию Борисовну Старкову, и пусть она познакомит Вас с Вашим учителем — Азой Владимировной Пайковой. Я поднялась в кабинет и увидела там Клавдию Борисовну. Она стояла у стола и препиралась с Анатолием Михайловичем Газовым-Гинзбергом. Потом я поняла, бывая часто в кабинете, что это у них происходило постоянно. Они ссорились из-за системы транскрипции еврейского языка. Анатолий Михайлович придерживался одной системы, Клавдия Борисовна — другой. Они постоянно между собой препирались, какая система лучше. Так вот, они препирались, и тут подошла я и говорю: «Клавдия Борисовна, Нина Викторовна просила Вас познакомить меня с моим преподавателем сирийского языка». Клавдия Борисовна сказала: «Ваш наставник стоит в коридоре и курит». Я немного смутилась и говорю: «А вот Нина Викторовна мне сказала, что мой наставник женщина». Она и говорит: «Ну, конечно, она и есть женщина. Пойдемте, я Вас с ней познакомлю». И действительно, оказалась женщина очень очаровательная и толковая. Из этого эпизода я поняла, какое значение придаёт Пигулевская Клавдии Борисовне. Она считала её одним из столпов кабинета Ближнего Востока и полагала, что Клавдия Борисовна должна заменять её в сложных случаях, исполняя функции руководителя. Так оно и получилось после смерти Нины Викторовны.

Практически негласно, благодаря авторитету и житейской мудрости, опытности, Клавдия Борисовна руководила нашим кабинетом. Все остальные сотрудники были гораздо её младше, и нам она казалась очень пожилой, умудрённой опытом. Хотя на самом деле, когда я с ней познакомилась, ей было всего 55 лет.

Нина Викторовна хотела, чтобы в кабинете Ближнего Востока, который она создала, были собраны научные силы, которые бы могли изучать проблемы раннего христианства. Нина Викторовна — одна из немногих, наряду с Верой Александровной Крачковской, кто понял, что тексты Кумрана могут внести важный вклад в изучение истории христианства. Поэтому она и пригласила Клавдию Борисовну Старкову с тем, чтобы она как раз и занималась этими открытыми в конце 1940-х годов текстами. Впервые об этом открытии сообщила Вера Александровна Крачковская в журнале «Эпиграфика Востока», вторым человеком, который поддерживал исследования по Кумрану в России, была Нина Викторовна Пигулевская. Кстати, благодаря ей проект переводов текстов Кумрана на русский язык был включён в план бюро отделения истории Академии наук СССР. Выполняя эту работу, Клавдия Борисовна всегда рассматривала её как задание Президиума Академии наук.

К Клавдии Борисовне в кабинете все относились с большим почтением, любовью и уважением, постоянно её опекали, хотя, как теперь я вижу, она отнюдь не была тогда старой женщиной. Тем не менее, все о ней заботились. Она, как и все великие учёные, мало внимания уделяла быту, и все следили, чтобы она выглядела хорошо, была причёсана, чтобы у неё не покосился воротничок или что-нибудь такое. Она сама очень мало внимания уделяла таким житейским мелочам. К Клавдии Борисовне все очень любили ходить в гости, она была очень гостеприимной и часто приглашала весь кабинет к себе, а нас было 7 человек. В это же время проходил аспирантуру Левон Акопович Тер-Петросян, который тоже примкнул к нашему коллективу. Впоследствии он стал первым президентом Армении. Он очень дружил с Клавдией Борисовной. Она единственный раз в жизни выступила оппонентом на защите диссертации и как раз на защите докторской диссертации Тер-Петросяна. Она уже тогда плохо видела, и сначала Левон Акопович специально перед защитой, а он был несколько месяцев в Ленинграде, приходил и читал ей свою диссертацию. А потом она диктовала ему отзыв, он записывал. Но на защите она отзыв не читала, а выступала импровизируя. И лекции все свои она читала экспромтом, так как плохо видела и не читала их по записям.

Я хочу ещё немного сказать о Тер-Петросяне. Одно лето он жил на квартире у Клавдии Борисовны. Клавдия Борисовна уехала отдыхать в Друскининкай, в Литву, а ему в это время негде было жить, ведь он был в Ленинграде с семьёй. Надо сказать, что Клавдия Борисовна любила всех сотрудников кабинета, причём каждого любила по-своему, но больше всех — Авраама Григорьевича Лундина. Он был самый почитаемый у неё человек. Клавдия Борисовна сыграла в его судьбе решающую роль, потому что Авраама Григорьевича за его строптивый характер очень долго не выпускали в научную экспедицию в Йемен. Он занимался древностями южной Аравии, и, конечно, мечтой всей его жизни было поехать туда и поработать в экспедиции. Наша администрация его заявления об участии в экспедиции отменяла, не оформлялись его поездки под разными предложениями. И тогда Клавдия Борисовна решилась на отчаянный шаг, и я тоже участвовала в исполнении её плана. Я под её диктовку написала письмо в ЦК партии в Москву. В этом письме говорилось о том, какой Авраам Григорьевич выдающийся специалист в своей области, как много статей и книг им написано. Было сказано и о том, что админи-

страция института не разрешает ему участвовать в советско-йеменской экспедиции, что это несправедливо. Надо сказать, что письмо писалось уже в годы перестройки и возымело свое действие. Из ЦК пришел ответ в администрацию, где было предложено включить Авраама Григорьевича Лундина в экспедицию.

Кстати сказать, когда произошла эта история с Авраамом Григорьевичем Лундиным, секретарем партийной организации у нас был Михаил Борисович Пиотровский, будущий директор Эрмитажа. После того, как мы с Клавдией Борисовной отправили это письмо в ЦК партии, Клавдия Борисовна попросила меня сообщить все-таки об этом Михаилу Борисовичу, что для него это не стало неожиданностью. Я все Михаилу Борисовичу рассказала, и с пониманием отнесся к поступку Клавдии Борисовны. Как секретарь он был очень хороший.

Саму Клавдию Борисовну за границу не выпускали уже в 1970-е годы. Но до того такая командировка была возможна. Она говорила, что сразу после войны, когда образовалось государство Израиль и возобновилась деятельность там Палестинского общества, ей было предложено поработать в течение нескольких лет в Иерусалиме представителем Палестинского общества. Но в этот период у нее было тяжело больна мама, и она не могла себе позволить уехать за границу и бросить ее здесь. Поэтому ее поездка в Палестину так и не состоялась. Никогда она туда уже не попала. Это было очень серьезное предложение. Я думаю, что этому очень способствовала Нина Викторовна. Она была заместителем председателя Палестинского общества, и когда в Москве проходили ежегодные собрания Палестинского общества, она всегда брала с собой Клавдию Борисовну.

Что мне еще рассказать о Клавдии Борисовне? Запомнились дни, связанные со смертью Нины Викторовны. Все были очень подавлены. Из всех сотрудников кабинета только Клавдия Борисовна держала себя твердо. Она приехала на квартиру Нины Викторовны, она ее обряжала, укладывала ее в гроб, причем делала все своими руками с помощью домработницы Нины Викторовны, и после похорон на Серафимовском кладбище весь кабинет пошел к Клавдии Борисовне. Там устраивались поминки. Мне запомнилась сцена, связанная с Ильей Шолеймовичем Шифманом, сотрудником ее кабинета. Многие коллеги считали его виновником смерти Нины Викторовны, потому что он очень огорчил ее своей книгой и диссертацией на ее основе, которую хотел защищать в качестве докторской. Она называлась «Социальные и экономические отношения в Сирии в I–III вв. н. э.» Там он очень плохо отзывался об учителе Нины Викторовны — Михаиле Ивановиче Ростовцеве, называл его отсталым буржуазным историком и всячески его поносил.

Проблемы, затронутые в ней, были вынесены на обсуждение в кабинете. Нина Викторовна выступала очень резко, она была разгневана написанным в этой книге. Инфаркт у нее случился вскоре после этого события. Когда Илья Шолеймович пошел со всеми к квартире Клавдии Борисовны, очень многие стали возмущаться, не желая видеть его на поминках. Он очень переживал, и у двери Клавдии Борисовны ему стало плохо, он потерял сознание. Когда Клавдия Борисовна открыла дверь нам и увидела его в таком состоянии, то сказала: «Ну, как так можно!» Она всех пристыдила, ввела Илью Шолеймовича в квартиру. Ему дали какие-то капли, посадили на диван. Короче говоря, он остался со всеми, и его отношения с коллективом потом как-то постепенно наладились. Это произошло в феврале 1970 г. на Торжковской улице. Каждый год в день смерти Нины Викторовны мы там собирались. Сначала шли на Серафимовское кладбище, там служили панихиду, а потом ехали к Клавдии Борисовне на поминальный обед. Клавдия Борисовна такой

ритуал установила с самого начала. И пока были живы все сотрудники кабинета, всё так и происходило по заведённому Клавдией Борисовной обычаю.

Когда я пришла в институт, Клавдия Борисовна уже закончила работу над переводами текстов Кумрана и писала книгу о литературных памятниках кумранской общины. Книгу она готовила в качестве своей докторской диссертации. Защита должна была состояться в Москве в Институте востоковедения. Отец мой, Никита Александрович Мещерский выступал у неё оппонентом. Другими оппонентами были Михаил Александрович Коростовцев, сотрудник Института востоковедения в Москве, известный египтолог, впоследствии академик, и член-корреспондент АН СССР Иосиф Самуилович Брагинский, он занимался иранской литературой.

К этому времени (1972 г.) мой отец перенёс инфаркт, мы очень переживали, как он поедет в Москву, и я решила его сопровождать. Так получилось, что сопровождать пришлось и Клавдию Борисовну, она уже плохо видела и нуждалась, чтобы её кто-то сопровождал. На защиту мы ехали втроем: мой отец, Клавдия Борисовна и я. С поезда мы пошли в институт в Армянском переулке. Оставили там Клавдию Борисовну оформлять свои бумаги и поехали к его двоюродной сестре Нине Алексеевне Кривошеиной. К четырем часам мы вернулись, и началась защита. Я была удивлена, что на такую интересную защиту пришло очень мало народу.

В Москве Клавдию Борисовну знали мало, да там тогда и не было специалистов по древнееврейской филологии. Защита проходила в актовом зале Института Востоковедения и, по-моему, даже не все члены Учёного совета потрудились сидеть на ней. В зале было не более человек 15, кроме оппонентов и самой Клавдии Борисовны, но защита прошла прекрасно. Клавдия Борисовна, естественно, выступала без бумажки, оппоненты говорили очень благожелательно, и ей была единогласно присуждена степень доктора филологических наук.

Я забыла сказать, что в защите принимал самое активное участие Авраам Григорьевич Лундин, который специально подгадал свою командировку в Москву, чтобы присутствовать на ней. А затем был занят банкетом, заказал столик в ресторане недалеко от института, и мы все дружно отправились на этот небольшой банкет. Попировав, мы пошли на поезд и в тот же день уехали. Авраам Григорьевич оставался в Москве, а мы — Клавдия Борисовна, отец и я вернулись триумфально в Ленинград. Так я принимала участие в защите диссертации Клавдией Борисовной.

Книгу по докторской «Литературные памятники кумранской общины» Нина Викторовна планировала издать в Палестинском сборнике, но, к сожалению, уже не увидела выхода книги в свет. Она была опубликована в 24 выпуске Палестинского сборника уже после смерти Нины Викторовны и была посвящена её памяти. Клавдия Борисовна настояла на этом, хотя в то время посвящения не приветствовались и даже запрещались. Я помню, как редактор издательства Рита Кирилловна Паэгле работала над книгой с Клавдией Борисовной. Поскольку Клавдия Борисовна плохо видела, нам, всем сотрудникам кабинета, приходилось помогать. И я помню, как читала и выправляла свою долю корректуры, часть, посвященную книге Второзакония. Книга эта вышла в 1973 г. Но, к сожалению, другой труд Клавдии Борисовны — переводы памятников Кумрана, которые были подготовлены ею совместно с Анатолием Михайловичем Газовым-Гинзбергом ещё в 1965–66 годах, был застопорен в Москве, потому что в 1967 году началась арабо-израильская война. Публикацию отложили, причём на очень долгий срок. Когда в середи-

не 70-х годов вернулись к работе над книгой, московский редактор издательства «Восточная литература» Наталья Георгиевна Михайлова предъявила целый ряд претензий к разделам, содержащим комментарии к переводам. Они ей казались очень объёмными, очень сложными для восприятия.

Действительно, Клавдия Борисовна старалась учесть всю литературу, касающуюся интерпретации того или иного слова, выражения, того или иного места в переводимых текстах. Поэтому книга изобиловала ссылками на статьи на самых разных языках и, кроме того, Клавдия Борисовна в текст книги включала очень много цитат из кумранских текстов, причём давала их в древнееврейской транскрипции, в той сложной системе, которую она разработала и против которой как раз возражал Анатолий Михайлович Газов-Гинзберг.

Эта транскрипция стала камнем преткновения для редактора. Она испещрила всю книгу вдоль и поперек своими замечаниями, вопросами, недоумениями, всё это вернула в Ленинград, чтобы Клавдия Борисовна просмотрела все её пометы и книгу досконально переработала. Клавдия Борисовна уже очень плохо видела. Тогда ей на помощь пришла Маргарита Михайловна Елизарова, сотрудница нашего института и ученица Иосифа Давыдовича Амусина. Она к этому времени защитила диссертацию, написала книгу об общине терапевтов и тоже занималась переводами кумранских текстов. Она стала работать с Натальей Георгиевной Михайловой над книгой Клавдии Борисовны. В основном на первом этапе они были заняты модификацией сложной транскрипции. Они решили транскрипцию переделать в транслитерацию, то есть не передавать гласные звуки, а передавать только согласные и тем самым упростить текст. Маргарита Михайловна очень долго работала над улучшением книги, но переработанный вариант, вернувшийся в Москву, снова не удовлетворил издательство. Книгу вернули Клавдии Борисовне уже по другой причине. Решили, что книга слишком подробна, надо убрать мелочи, детали, которые усложняют её восприятие. Но к тому времени, когда книга вернулась второй раз в Ленинград, уже умерла Маргарита Михайловна Елизарова.

Её смерть — трагическая страница в жизни Клавдии Борисовны. Она пережила смерть почти всех своих более молодых коллег, смерть Маргариты Михайловны, потом Азы Владимировны Пайковой, потом Авраама Григорьевича Лундина, Ильи Шолеймовича Шифмана. Но Маргарита Михайловна умерла молодой, и это была очень большая потеря для Клавдии Борисовны. Она была очень дружна с ней и её родителями, жившими в Горьком (Нижем Новгороде), её отец часто приезжал сюда. Клавдия Борисовна, считая Маргариту Михайловну своей ученицей, помогала ей в работе над переводами кумранских текстов. Маргарита Михайловна не кончала семитского отделения, была выпускницей исторического факультета и чувствовала себя не очень уверенно в переводах с древнееврейского. Хотя очень много занималась древнееврейским и особенно арамейским языками. Когда она стала переводить апокриф Книги Бытия из текстов Мёртвого моря, Клавдия Борисовна ей помогала. Они сидели вместе, Рита ей читала арамейский текст и свой перевод, а Клавдия Борисовна корректировала и помогала отшлифовать его.

Рита очень опекала Клавдию Борисовну в чисто житейском плане. Она приходила, приносила продукты, помогала готовить, помогала по хозяйству. Они очень любили вместе куда-нибудь ездить отдыхать за город, совершали интересные поездки, например, в старинные усадьбы за Лугой. Вместе они поехали спасать библейские еврейские свитки, которые находились в библиотеке в Виннице. Не помню, музей это был или библиотека. Оттуда в институт пришло письмо, где было

сказано, что у нас есть много свитков Торы, мы не знаем, что с ними делать. Спрашивали, не возьмёте ли вы их в Институт Востоковедения, а прежде чем брать, не посмотрите ли, что это такое и не дадите ли свое заключение об этих свитках?

Администрация института от этого отмахнулась: нам не нужны эти свитки, нам и свои некуда складывать. И тогда Клавдия Борисовна и Маргарита Михайловна поехали за свой счёт. Они там провели несколько дней, описывая рукописи, составили описание свыше 50 номеров. Но свитки так и остались в Виннице, когда Маргарита Михайловна и Клавдия Борисовна вернулись в Ленинград. Потом уже эти свитки удалось пристроить с помощью Левона Акоповича Тер-Пётросяна, который в то время был учёным секретарем Института рукописей Армении, и свитки Торы поступили туда на хранение. Мы были очень рады: если бы не Клавдия Борисовна и Маргарита Михайловна, всё могли выбросить. Когда в 1978 году умерла Маргарита Михайловна, Клавдия Борисовна поехала на её похороны в Нижний Новгород. Для неё это была очень большая потеря.

Возвращаясь к истории публикации «Текстов Кумрана», надо сказать, что Клавдия Борисовна была обескуражена постоянными придирками издательства. Уже после кончины М.М. Елизаровой том вернулся на очередную переработку, приехала сама Наталья Георгиевна Михайлова, чтобы провести эту работу с Клавдией Борисовной. Они начали её, посидели в квартире Клавдии Борисовны неделю, такой был срок у Натальи Георгиевны, и сделали две или три страницы. Работа остановилась. Наталья Георгиевна поняла, что с этой работой быстро не справиться и обратилась в администрацию нашего Института. К учёному секретарю были вызваны я и Аза Владимировна Пайкова. Мы уже славились к тому времени тем, что подготовили к изданию незавершенную работу Н.В. Пигулевской «Культура сирийцев в средние века». Мы переделали эту книгу в приемлемую для издательства форму и подготовили к печати.

Учёный секретарь Эдуард Наумович Тёмкин сказал, что мы должны на себя взять подготовку к печати переводов текстов Кумрана с условием, что Клавдия Борисовна не должна ничего знать. Мы были очень встревожены, у нас никогда не было секретов от Клавдии Борисовны, и мы долго думали, соглашаться нам на это или рассказать обо всём Клавдии Борисовне. Посовещавшись, мы поехали к ней. Она удивилась, ведь мы приехали в неурочное время, не позвонив. Мы всё прямо рассказали о ситуации с книжкой, что нас просят и т.д. Клавдия Борисовна возмутилась и сказала: «Я ещё жива! И я не позволю кого-то обременять работой над своим трудом». И сделала всю эту работу по сокращению тома сама.

Это стоило ей колоссального напряжения физических сил (она перенесла к этому времени две глазные операции) и материальных затрат, потому что она за свой счёт все переделывала, перепечатывала. После того, как она всё сделала и перепечатала весь том, он уменьшился примерно наполовину. И вот этот переработанный Клавдией Борисовной том снова отправился в Москву. И снова не удовлетворил издательство. Наталья Георгиевна опять все исписала замечаниями. Издательство «Восточная литература» просто отказалось от книги, посчитав, что слишком много замечаний и Клавдия Борисовна не сможет их выправить.

Тогда, чтобы как-то спасти положение, я обратилась к Михаилу Борисовичу Пиотровскому, который был секретарем парторганизации и уже тогда имел большой вес в институте. Я сказала, что мы с Павлом Борисовичем Кондратьевым берём книгу, перерабатываем все замечания и доводим до состояния, которое бы удовлетворило издательство. Мы поехали в Москву, забрали том из издательства

под расписку, привезли его в Ленинград и стали работать. Работа наша шла таким образом: мы с Павлом Борисовичем сидели и штудировали замечания Натальи Георгиевны на полях, заново прочитывали параллельно древнееврейский текст кумранских рукописей и перевод Клавдии Борисовны, сличали переводы и оригинал и иногда вносили то, что было пропущено, а иногда предлагали свои новые интерпретации. Всё это записывали и, наработав кусок текста, ехали с ним к Клавдии Борисовне и всё с ней обсуждали. Причём Павел Борисович Кондратьев и Клавдия Борисовна, оба очень эмоциональные и принципиальные, друг с другом иногда устраивали серьёзные перепалки. Павел Борисович к нам пришёл в сектор после того, как Клавдию Борисовну уволили, как бы на её место, и в первое время Клавдия Борисовна к нему относилась довольно-таки прохладно. Но в процессе работы над текстом Кумрана она очень с ним подружилась. Он гебраист и арабист одновременно, имел хорошую подготовку по арабскому языку и долго работал переводчиком в арабских странах. Работая у нас в институте, он подготовил к публикации несколько сложных трудов учителя Клавдии Борисовны Андрея Яковлевича Борисова. Потом он ушёл из института и сейчас преподаёт английский язык.

Шаг за шагом, медленно, мы доработку этой книги завершили. Чтобы больше не было придирок в Москве, мы договорились об издании книги с издательством «Петербургское востоковедение», которое только что открылось в городе и находилось в помещении нашего Института Востоковедения. Они взяли «Тексты Кумрана» и издали. Издательство было настолько заинтересовано в этой книге, что издало её даже без привлечения средств института.

Когда я привезла десять экземпляров Клавдии Борисовне, она была потрясена и растрогана, тут же взяла из пачки один экземпляр и подписала его мне на память. У меня этот экземпляр хранится.

Ну что мне ещё вспоминается? Можно сказать, что вся жизнь моя прошла рядом с Клавдией Борисовной, которая постоянно меня воспитывала. Такой был случай. Мы сидим в кабинете, работаем. Мой стол находился рядом с её столом, и кто-то меня зовет из коридора к телефону. Я бегу сломя голову, как всегда, в припрыжку. И слышу вдогонку голос Клавдии Борисовны: «Леночка, Леночка, ну Вы же уже барышня, разве можно так сломя голову бежать?» Я с ней очень дружила и часто её сопровождала в разных делах, например, когда был юбилей нашего знаменитого египтолога Юрия Яковлевича Перепёлкина.

Юрий Яковлевич очень не любил чествования и заседания. От института меня, Клавдию Борисовну и Хильду Августовну Кинг (она египтолог тоже) делегировали домой к Юрию Яковлевичу, чтобы мы его поздравили с юбилеем. Мы пришли, как незваные гости, и вручили букет цветов, подарок от института и адрес. Он нас принял в своей маленькой комнате и был очень тронут нашим приходом, хотя, видимо, не ожидал, что мы отважимся его побеспокоить.

Клавдия Борисовна была православной христианкой, человеком верующим. Но она всех обрядов церковных не соблюдала. Хотя я знала, что она молилась и вечером, и утром, видимо, это была очень своеобразная молитва, потому что, как она мне говорила, она всегда вспоминала всех дорогих ей людей, живых и мёртвых. Я думаю, что это были не канонические молитвы, а её собственные. А что касается нашей церковной жизни, то она, конечно, ею интересовалась под большим влиянием Вриенны (Роны) Петровны Ерехович. Это была её самая близкая подруга, человек глубоко верующий, соблюдавший все церковные обряды. И под её влиянием Клавдия Борисовна тоже хорошо знала церковную жизнь.

Мое мнение о трудах Клавдии Борисовны Старковой очень высокое. У Клавдии Борисовны было исследовательское чутьё, это во-первых. А во-вторых, она обладала здравым смыслом и большими знаниями в самых разных областях. Она могла, читая чужую работу, поправить какое-то место просто потому, что знала хорошо жизнь во всех её проявлениях. Вот я, например, в какой-то своей статье употребила выражение «гончарное колесо». К своему стыду, я во всех подробностях не представляла, что это за инструмент. Клавдия Борисовна меня поправила: не колесо, а круг. И подробно мне описала строение этого гончарного круга, на котором в древности лепили посуду. Она прекрасно знала быт древних евреев, Израиля и очень интересно и подробно описывала все детали. На меня это производило впечатление какое-то гипнотическое, скажем так. Потому что, когда она рассказывала, мне казалось, что она была там в древности и всё видела своими глазами, всю эту жизнь, настолько ярким и подробным в деталях было её повествование. В-третьих, у неё была исследовательская интуиция. И потом, Клавдия Борисовна блестяще знала язык и филологически точно интерпретировала тексты. Например, она заметила, ещё не будучи знакома со всеми открытыми кумранскими текстами, что наибольшее воздействие из всех библейских книг на кумранскую философскую литературу оказало Второзаконие, а тогда не был сделан подсчёт всех обнаруженных фрагментов. Только потом, уже после её смерти, эту статистику можно было представить. Действительно, оказалось, что фрагменты Второзакония — самая многочисленная группа. Но она свою книгу построила именно на доказательствах того, что Второзаконие сыграло решающую роль в формировании идеологии кумранской общины.

Клавдия Борисовна представляла эту общину, как учёный романтического направления, скажем так, своеобразным социальным явлением. При этом, описывая жизнь общины, она исходила только из текстов. Особый интерес представляет её анализ документов, регулирующих жизнь кумранского сообщества — Устава, Дамасского документа.

Е. Н. Меццерская

К.Б.Старкова

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЖИТОМ

Жизнь и работа
семитолога-гебраиста
в СССР

Редактор
Е.Н.Кальциков

Оригинал-макет
Т.Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 22.3
Заказ № **12**.

«Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
Тел./факс: (812) 579-08-33, e-mail: eurohouse@nm.ru